

**Внутренний ребёнок и
мороженое с орехами**

TWARDOWSKI

Иногда я думаю, что внутри каждого взрослого живёт ребёнок, который спрятался в старом шкафу на чердаке сознания и тихо ждёт, когда его снова позовут играть. Он скучает. Он помнит, как это – бежать босиком по мокрой траве, рисковать жизнью, забираясь на крышу гаража, потому что оттуда виден целый мир. Этот ребёнок смеётся до слёз над тем, как кот чихает, и всерьёз ведёт переговоры с солнцем, уговаривая его сесть чуть позже, чтобы поиграть ещё пять минут.

А потом мы вырастаем. Нацепляем на себя костюм из серых обязанностей, пуговицы тревог, галстук ожиданий, который начинает душить уже к середине недели. Нас учат, что радость должна быть заслуженной, как награда на соревнованиях. Сначала сдай отчёт, получи пятёрку, заработай на квартиру, а потом, пожалуйста, радуйся. Только вот времени на потом всё меньше. А того, кто радовался просто так, мы почему-то заперли под замком. По привычке.

Я сам ловил себя на том, что становился автоматом. Механизмом, у которого главная задача, исправно функционировать и не ломаться в процессе. Продуктивность вместо вдохновения. Контроль вместо доверия. Стратегия вместо игры. Будто я перепутал своё сердце с бухгалтерией.

Но потом однажды... ты останавливаешься. Улавливаешь, как ветер гонит облака, и вдруг замечаешь, что они похожи на собак и драконов одновременно. И смеёшься. Без причины. Просто, потому что это смешно. Потому что можно. Потому что никто не придёт штрафовать за неподтверждённую радость.

Я вспоминаю, как в детстве мог требовать конфету с такой уверенностью, что весь мир в этот момент сводился к одному вопросу: когда мне дадут эту конфету? Не было мыслей о том, заслужил ли я её, сколько калорий она содержит и насколько она впишется в финансовый план семьи. Была только чистая, кристальная ясность желания. И я знал, что имею право хотеть. Хотеть, не объясняясь.

Сейчас это звучит почти как магия какая-то. А ведь это не колдовство, это честность. Простая, как рисунок на асфальте, как поцарапанная коленка, как смех после падения.

Мы часто путаем занятость с бегством от себя. Заполняем графики делами, чтобы не слышать голос того самого ребёнка. А он спрашивает: «Почему ты больше не рисуешь драконов? Почему не лепишь пирожки из грязи? Почему не прыгаешь в лужи, если они такие красивые?» И ты начинаешь ему что-то объяснять, про ответственность, про приличия, про график встреч... а он смеётся в ответ, как будто ты рассказал анекдот.

Я однажды, идя по городу, позволил себе вдруг захотеть мороженое. Не из логики, не из необходимости, а просто так. Купил. Ел на ходу. Капало на рубашку. Прохожие смотрели как на сумасшедшего. А я впервые за долгое время почувствовал, что живу. Не существую, не управляю событиями, а живу. Мороженое было ванильным, с орехами. Очень вкусное, кстати.

Детство – не возраст. Это не то, что уходит с количеством свечей на торте. Это способность доверять жизни так, как доверяют только те, кто не умеет бояться будущего. Кто знает, что если сегодня солнечно, значит, сегодня праздник. Даже если ты просто идёшь выбрасывать мусор.

Мы можем вернуть себе эту лёгкость. Не внешнюю, а внутреннюю. Ту, что смеётся, даже когда сложно. Ту, что рисует радугу, даже когда льёт дождь. Ту, что выбирает быть, а не казаться. Просто нужно открыть дверь в тот самый шкаф на чердаке и сказать: «Эй, пойдём играть?»

*****

На каменных ступенях древнего храма, который больше напоминает библиотеку с живыми стенами, ведь они густо оплетены плющом,

сидит человек. Его одежда – тёмная, простая, почти монашеская, как у тех, кто когда-то искал истину в тишине. Он выглядит серьёзным, почти суровым, но что-то в нём предательски смягчено, лёгкая, едва уловимая улыбка на лице, будто он только что услышал добрую шутку от кого-то, кого помнит с самого детства. В руках у него – мороженое. Оно уже подтаяло, капает на пальцы, но он его не замечает, он смотрит в никуда, или, точнее, вглубь себя. Его ноги в сандалиях испачканы в грязи, как у человека, который только что вышел из мира, где разрешено шлёпать по лужам. У его ног покоится бумажный кораблик, оригами-жаба и игрушечный дракон, словно материальные обломки забытых снов, вынырнувшие из щелей между временами.

И в этот самый момент, за его спиной, появляется он сам, но в другом теле, теле ребёнка. Того, кем он когда-то был. Светловолосый, в лёгкой тунике, босиком, стоящий на одной ноге, как будто только что закружился от радости, не зная причин и не ища их. В одной руке – палка, превращённая в меч, в другой – венок из одуванчиков, ещё влажный от утренней росы. Этот ребёнок не просто стоит, он будто выходит изнутри взрослого, как душа, которая всё это время ждала, чтобы её вспомнили. Он не смотрит на взрослого с упрёком. Он смеётся глазами, как бы говоря: «Я всё ещё здесь. Хочешь, побежим?»

А вокруг них, не просто лес. Это лес памяти, фантазии, сна. В его листве прячутся странные создания, птички с лицами маленьких ангелов, звери, сияющие изнутри, как сотканные из света. А чуть выше, на ветке, медленно раскачивается кот на качелях, вполне реальный и одновременно невозможный. Это пространство между мирами, где день и ночь встречаются в сумеречном поцелуе. Где можно услышать, как свет прорастает сквозь листья и шепчет детскими голосами, зовущими поиграть.

И всё это не аллегория, не сказка, не сон. Это напоминание. Картина души в тот момент, когда взрослый вдруг вспоминает, что быть собой – это значит быть и тем, кто когда-то рисовал радугу мелом на асфальте. Быть целым – значит сесть рядом с

собой маленьким и разделить мороженое. Даже если оно уже растаяло.